

МЕРИ ЛИ

ОНА НЕ ОСТАНОВИТСЯ
НИ ПЕРЕД ЧЕМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТУМАН МЕЖДУ НАМИ

18+

Туман

Мери Ли

Туман между нами

«Автор»

2022

Мери Ли

Туман между нами / Мери Ли — «Автор», 2022 — (Туман)

По воле жестокости полковника я оказываюсь на базе номер девять. Передо мной поставлена четкая задача, и я должна достичь цели любой ценой. Чем я должна буду пожертвовать, чтобы добиться невозможного? И какова будет цена моих действий?

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Мери Ли

Туман между нами

Глава первая

Закари сидел в своём кабинете и размышлял о том, что ему сказал брат ещё месяц тому назад. Девушка была заперта, и её охраняли лучше, чем самого президента. Очень жаль, но человека в пакет не засунешь и не пронесёшь через охрану незамеченным. А как достать её, временный глава базы номер девять не понимал. Уже на протяжении двадцати девяти дней все его мысли были в знакомых лабиринтах базы номер восемь. Он знал, где именно сидела пленница, сколько человек её охраняли, что она ела и во что была одета. Ему было известно о ней всё: возраст, вес, группа крови и итоговые показатели лабораторных опытов. Но вся эта информация ничего не значила, когда возле дверей сидел цербер – его мать.

Единственное, что приходило на ум Заку, – это ворваться с боем на базу и отнять девчонку, но тогда погибнут многие, а людей и так осталось меньше, чем недостаточно. Удивительно то, что на его базе уцелело намного больше военных, ему, в отличие от брата, не приходилось обучать сопляков держать в руках оружие, заставлять их позабыть о страхе перед смертью и не обдѣлывать штаны. Но на его базе был недостаток медиков и рабочей силы. Уже полгода Зак строил стену вокруг девятки. Их местоположению повезло намного меньше, чем соседствующим военным. База была замаскирована под старую церковь, и основной вход находился на последней точке входа в городское метро. Приходилось строить стену, но эта задача была не из легких, военных на работы не отправишь, у них и так много других задач, а те, кого Закари и его люди спасли, никчемные и слабые. Гражданские недисциплинированны и глупы, они до сих пор лелеяли надежду на правительство, что оно спасёт их от тумана. Знали бы они, что творилось в мире, давно откинули бы эти мысли на свалку несбывшихся грёз. Монархи, президенты и канцлеры многих стран были мертвы или заражены, там, в этих странах, шла борьба не только с вирусом T001, но и со здравым смыслом. Даже разрушенные города, заполонившие свои улицы зараженными, прельщали глупцов к правлению. Зак бы не стал бороться за власть, которая заранее была обречена на провал.

С появления тумана прошло двести двадцать два дня. И с каждым из этих дней Заку становилось известно о каждом шаге землян в бездну. Президент его страны, несмотря на строгие правила распространения информации, всё же оказался не столь глуп и отправлял на все базы данные об изменениях не только в своей стране, но и о том, что происходило за пределами границ его правления. Кроме глав баз и других военных объектов, данной информацией никто не располагал. Уже месяц как президент не отправлял новые вводные, и это означало одно – больше подобная информация не имела значения. Мир рухнул, и большее, что люди могли сделать, – не дать истребить человечество полностью, но это будет сложно, ведь женщин практически не осталось. В соотношении к мужчинам на базе номер девять – одна к двадцати двум.

Закари крутил в руках кулон, когда в дверь постучали.

– Войдите, – ответил он и даже не посмотрел на дверь, тем не менее она открылась и закрылась, а в кабинете стало на одного человека больше.

– Зак, думаю сегодня не стоит идти.

Келлер тут же поднял взгляд на своего друга и сослуживца, но лицо Нео ничего не выражало.

– Это не обсуждается.

Закари бросил взгляд за окно, там свирепствовала непогода. Дождь лил как из ведра, а ветер гнул ветки деревьев ближайшего парка. Кабинет Закари Келлера находился у вершины

церкви, через смежную дверь располагалась его комната. Те, кто жил под землей, редко его видели, но знали благодаря кому они вообще были живы.

– Я знаю. Но завтра мы должны быть в аэропорту, и если сегодня что-то пойдет не так, то...

– Ты хочешь составить компанию Рэнли? – спросил Зак.

Нео тут же сжал губы, но не прекратил смотреть на Закари упертым взглядом. Временный глава базы знал, что друг прав, но даже от друга он был не намерен терпеть непослушание. Этому его научила мать. Никто и никогда не должен видеть сомнений, иначе за тобой никто не пойдет, так она говорила. Подобного рода наставления она вдалбливала в головы своих сыновей с самого рождения.

– Даже встреча с президентом не столь важна, – уверенно сказал он и снова опустил взгляд на прямоугольный металлический кулон в своих руках.

Правый верхний угол начал ржаветь, но не сам кулон был важен Заку, а то, что на нём написано.

Нео тяжело вздохнул и прошел к столу, опустился на стул и сказал:

– Тогда я пойду с тобой.

Зак искривил губы в слабой улыбке, он понимал, что от друга ему не отделаться. Практически четыре года прошло с тех пор, как Закари Келлер перешёл с восьмой базы на девятую, и всё это время Нео и Рэнли были подле него. Их знакомство было странным и глупым, сходство характеров тяжелым, а понимание принципов жизни друг друга непосильным. И только благодаря одному моменту в жизни Закари, эти трое стали неделимы. Всего один случай свёл их больше, чем кровных братьев роднит молоко матери.

– Когда ты выпустишь Рэнли?

Закари ожидал этого вопроса, ему не единожды доносили, что Рэнли Скотт, уже достал всех, кого ставили на охрану его камеры. Если со Скотта снять военную форму, то никто никогда не догадался бы, что он искусный воин и безжалостный убийца. Это светловолосый высокий щеголь, которого хлебом не корми, дай поболтать. Но самое жестокое, что сделал с его жизнью туман, так это выкосил большую часть женского населения планеты, а без внимания слабого пола Рэнли жить не мог. Из-за этого внимания он и сидел за решеткой.

– После возвращения домой, – ответил Зак.

Обычно спокойный и собранный Нео позволил себе слабую улыбку.

– Он и так уже всей охране вытрахал мозг.

Как бы не было забавным пребывание Рэнли за решеткой, его проступок стоил Заку пары лет жизни. Келлер внимательно посмотрел на Нео и без тени улыбки сказал:

– Он подверг всех опасности и должен понести наказание.

– Рэнли сделал это не со зла.

– Ты же понимаешь, что это ещё хуже? Зло объяснимо, а глупость и неосмотрительность фатальны.

Келлер больше не хотел говорить о друге, которого пришлось запереть в камере по соседству с крысами.

– Всё готово к полёту?

– Да. Но ты не думаешь, что пять человек – это слишком мало?

Закари не думал, что пять – это мало, он знал, что база номер восемь отправляла тридцать человек. Тем самым полковник хотела показать, что у неё много людей. Но Зак знал, что это не так. Чтобы пустить пыль в глаза президенту, полковник оставляла базу практически неприкрытой. Вот это глупо.

Сначала он рассматривал этот момент, как возможность пробраться на базу номер восемь и выкрасть девушку, но как позже ему стало известно, на это время база будет полностью

законсервирована и даже удар ядерного оружия не заставит полковника изменить своё решение. На момент отсутствия тридцати военных восьмёрка будет закрыта и на вход, и на выход.

– Что у нас по оружию? – спросил Келлер.

– Вчера доставили ещё три машины.

– Этого мало.

Нео не перечил другу, хотя считал, что оружия у них сейчас больше, чем достаточно. Нео вообще не приемлел разногласий с Келлером, не то, что Рэнли, тот часто не следил за языком и переходил грань дозволенного, но только наедине.

– Как там поживают наши фанатики? – спросил Келлер, внимательно вглядываясь в лицо Нео.

– Молятся туману.

– Больше они не доставляли проблем?

– Нет.

– Отлично.

В метро, недалеко от места, где был расположен основной вход на базу номер девять, скопились выжившие, они отказались идти на базу, Закари был этому только рад. Лишние люди одновременно и хорошо, и плохо. Не зараженные из метро стали называть себя – неофитами. На станции жило немногим более сотни человек, а трое из них – отличные ораторы, они-то и вбили в головы остальным, что туман – это послание господа. Неофиты служили туману и только ему. Как-то Закари спросил у Даррела Джонса, одного из основателей новой веры, как же они служат туману? Даррел не ответил, ссылаясь на то, что только неофиты могут постичь всю силу и предназначение высшего тумана.

Нео втянул в легкие побольше воздуха и решил сказать Закари о своих мыслях.

– Я пришел по другому поводу.

Зак одарил Нео слишком пристальным взглядом прищуренных глаз.

– Слушаю.

– Я по поводу девушки. Ты можешь связаться с полковником и...

– Убирайся.

Слово было сказано тише, чем Зак обычно говорил, но даже у Нео перехватило дыхание от силы, что в нём прозвучало. Нео не сдвинулся с места.

– Мне повторить?

– Нет. Но ты ведь и сам об этом думал...

– Не думал, что за четыре года ты меня так и не узнал.

Закари достал планшет и начал заполнять последние данные для президента, давая этим понять, что разговор окончен. Нео ушел. Как только дверь за другом закрылась, Зак отложил планшет, достал из стола пачку сигарет и прикурил. Откинулся на спинку отцовского кресла и выпустил дым в потолок. Никогда. Никогда в жизни он не обратится к полковнику. К матери бы мог, но она умерла четыре года назад, остался только полковник.

Через час Закари, Нео и ещё трое военных отправились на загородное кладбище. По дороге им не встретились зараженные, а всё оттого, что с неба лил дождь. Зак покинул машину один, он всегда делал это в одиночестве, прошёл сквозь арочные ворота кладбища и отправился к склепу. Место, где осталась его прежняя жизнь, беззаботная, наполненная счастьем и радостью. Наполненная смыслом. Дождь промочил черную экипировку Зака, но он не замечал ничего.

Заходя в склеп, он поморщился от запаха, который неизменно встречал его здесь. Сырость и скорбь, именно так бы он охарактеризовал этот аромат. Больше Закари Келлер нигде не встречал подобного.

Он практически не видел, куда ступал, но свет ему и ни к чему, он знал здесь каждый камень, каждую трещинку на светлом мраморе. Закари подошёл к выбитому углублению в

стене, достал две толстые белые свечи, зажигалку и зажег их. Поставил на место сгоревших и убрал старые к себе в карман.

Склеп осветился слабыми плясками огня, Закари ещё пару минут постоял так, обернувшись лицом к стене, ведь каждый раз стоило ему повернуться к камню с датами через черточку, он тут же возвращался в самое страшное время в его жизни. Даже туман, со всеми зараженными, не наводил на него столько страха, как увиденное на камне.

Но всё же он обернулся. Зак всегда так делал.

И замер. В горле образовалась горечь, а легкие сжало.

Закари обошёл камень и сел возле него, он никогда ничего не говорил умершему, у Закари не было нужных слов... тут никаких слов недостаточно. Каждый раз он смотрел на камень и воображал, какой бы сейчас была его жизнь, если бы не поступок матери. Даже в мыслях было противно называть её мамой, она не заслужила этого звания.

Закари сидел под танцем свечей, и в его глазах могли бы собраться слёзы, но он истратил их лимит четыре года назад. Он был бы и рад им, но после скорбного дня они ни разу не приходили.

В его ухе ожил голос друга.

– Зак, у нас тут гости.

Посетитель склепа поднёс руку к наушнику и, зажав кнопку, спросил:

– Кто это?

– Твой брат.

Закари удивился, но ничего не ответил, он приподнялся с пола, прикоснулся к дате, что была написана до черты, и сказал:

– Я приду ещё раз.

Это единственное, что он мог сказать. Кажется, что только эти четыре слова помогали ему жить. Зак не привык нарушать обещания. Кроме этих слов, Закари помогала жить ненависть. Он сожалел, что она появилась не сразу. Она выстрелила в день похорон, а после спала в Закари три месяца после ужасного дня, никак не давая о себе знать, а потом, в день, когда он напился до беспамятства, она отрезвила его. Все три месяца Закари Келлер был тенью живого человека, он ни с кем не разговаривал, толком не ел, не мылся и вообще не замечал ничего вокруг, кроме алкоголя. Жалким, именно таким он был.

Не погашая свечей, Закари покинул склеп, он не обернулся, даже когда выходил за пределы кладбища. Дождь лил слёзы вместо него, но даже сквозь стену воды Зак увидел мотоцикл брата возле машины, на которой приехал он сам. Брат взволнованно ходил туда и обратно, а когда Закари подошел достаточно близко, то метнулся к нему.

– Не ожидал увидеть тебя тут, братишка, – сказал Зак немного громче обычного, чтобы перекрыть шум дождя.

Зейн снял шлем, и дождь моментально стал смывать с его лица кровь. Закари понял, что брат натворил дел, хотя на него это было не похоже, младший из Келлеров слишком сильно пытался быть похожим на мать, но и она в своей жизни допустила просчет. Однажды, но допустила.

– Твоя кровь? – спросил Закари.

– Нет.

– Ты кого-то убил, и я должен спрятать тело? Сейчас другие времена Зейн, просто оставь беднягу на улице.

Зейн не оценил юмора старшего брата.

– У меня к тебе просьба.

Это уже интересно. Закари не помнил, когда брат в последний раз о чём-то его просил.

– Слушаю.

Зейн волновался, Закари видел его в таком состоянии крайне редко и искренне был заинтересован в чём же дело.

– Это серьезно, – добавил младший брат.

– Я по-прежнему слушаю.

Зейн провёл рукой в перчатке по волосам и сжал губы в тонкую линию.

– Я прошу тебя забрать одну девушку на твою базу.

Девушку? Тут Зак стал максимально заинтересованным.

– На тебе её кровь?

– Нет. Это её матери. О Боже, Зак, ты бы видел её.

– Мать девушки?

– Нет. Брукс, она словно сошла с ума. Ты должен помочь ей.

– Я ей ничего не должен. Как и тебе.

– Тогда я прошу тебя, помоги мне... как брату.

– Ты можешь рассказать нормально? Не думал, что какая-то Брукс способна сбить с тебя чопорность и заставить так сильно нервничать.

Закари всегда разговаривал с братом в издевательской манере. Казалось, это единственное, что осталось неизменным с их детства

– Ты невыносимый.

– Тем не менее ты ко мне пришел. Я по-прежнему слушаю тебя.

Зак уже начинал терять терпение, а Зейн не знал с чего начать рассказ.

– Полковник убила её мать и пообещала убить саму Брукс после того, как она вернется со встречи с президентом.

– Так пусть убьет, раз обещала.

Когда Зейн бросил на брата яростный взгляд, тот сразу понял, Брукс – та самая мышка, которая раздолбала витрину в магазине в разгар апокалипсиса, просочилась в мысли брата. Занятно.

– Я не хочу, чтобы она умирала, – признался Зейн и тем самым дал в руки Закари неоспоримое преимущество.

– Братишка, я не благотворительный фонд.

– Но полковник не тронет её, если ты заберешь...

– Я знаю.

– Так в чём дело?!

Зейн начинал злиться, но в то же время понимал, что только на девятой базе Брукс будет спасена.

Закари пару мгновений порассматривал свои пальцы на руках, а когда поднял взгляд на брата, в них был только холодный расчет.

– Мне нужна плата. Знаешь ли, твоя беженка будет есть, пить, носить одежду, что добыли мои люди...

– Что ты хочешь?

Зейн злился, у него перед глазами до сих пор была рыдающая Брукс, она пришла к нему в комнату вся в крови и разнесла мебель, крича, как ненавидит всё семейство Келлеров. А потом она осела прямо посреди комнаты и стала выть как раненое животное. Зейн не знал, что делать и попытался успокоить её, тогда-то она и рассказала ему, что полковник узнала о том, что они целовались и пригрозила Брукс. Приказала, чтобы та перешла в другое крыло, девушка отказалась, и полковник вызвала мать Алекс и убила её на глазах у дочери. Сказала, что если после встречи с президентом она вернется на базу, то встретиться с матерью быстрее, чем ожидалось. Келлер не мог понять, откуда мать узнала и почему решила вмешаться в его личные дела, но это не имело значения. У полковника всегда свои мысли и замыслы. Зейн не знал, что делать. Брукс сама подсказала ему выход, она должна покинуть базу, но девушка

не знала куда идти. Да и он не хотел, чтобы она навсегда исчезла из его жизни, и он решил обратиться к брату. Ведь если Брукс будет на базе номер девять, полковник никогда до неё не доберется. И вот он здесь.

Закари сделал вид, что раздумывает, но уже знал, что потребует от брата.

– Приведи мне девчонку, которую полковник держит взаперти.

От такой наглости даже Зейн опешил.

– Это невозможно.

– Тогда сам спасай свою Брукс, или позволь полковнику пристрелить её, как бешеную собаку.

Закари обошел брата и ступая по лужам направился к машине. Дождь начал стихать, а значит зараженные скоро выберутся наружу. По какой-то причине они опасаются дождя и прячутся от него. Но Закари видел, что первый дождь после тумана сделал с зараженными, он покрыл их черной коркой, словно тонкой бронёй.

– Стой, – окликнул его Зейн, с силой сжимая в руках шлем.

Закари медленно обернулся и посмотрел на брата сквозь пелену дождя.

– Слушаю.

– Я согласен, но...

– Но? Ты думаешь тут могут быть какие-то "но"?

– Да, она должна ходить с тобой на вылазки, когда мы...

– Я что – должен обеспечивать ваши свидания?

После озвученного вопроса Закари издевательски улыбнулся.

– Если тебе хочется так называть...

– Хорошо. У тебя месяц на то, чтобы привести ко мне Роберту.

Зейн не стал благодарить брата, ведь тот по сути отправил его в логово дракона. Но Зейн не смог бы простить себе гибель Брукс. Вся такая раздражающая, а временами и бесячая, она вдруг стала соблазнительной и поселившийся в его голове. Брукс стала безразлична Зейну, она дразнила его и заигрывала, улыбалась и делала горячие намеки, но слишком близко не подпускала.

Братья разъехались в разные стороны, но каждый из них думал про одну и ту же девушку. Зейн старался быстрее добраться до базы, чтобы успокоить её и сказать, что он нашел выход. Закари же, наоборот, задавался вопросами, что такого могла сделать мелкая девчонка, чтобы насолить полковнику до того, что она пристрелила её мать и угрожала самой Брукс.

Оба брата даже не могли подумать, что в это время Александрия Брукс снова стояла перед полковником в её кабинете и отчитывалась в мельчайших подробностях о разговоре с Зейном Келлером. Она рассказала всё, и полковник была довольна. Коварная женщина достаточно хорошо знала своих сыновей. У одного было слишком мягкое сердце, хотя он и достаточно старательно прятал его. У второго же была броня, которую возможно пробить только лишь с помощью одного – ненависти к своей матери. И именно второго она намерена вернуть домой, во что бы ей это не стало. Туман показал полковнику, насколько коротка человеческая жизнь, и она желает собрать семью воедино. Но гордость полковника Келлер не знает, что такое просить и унижаться, только приказывать и получать желаемое.

Глава вторая

Эта сука даже не дала мне попрощаться с сестрой. После того как уехал Келлер, я сразу же отправилась к полковнику и всё ей рассказала. Она была довольна, одобрительно кивала моему докладу. Не будь она такой холодной, то явно позволила бы себе улыбку.

Как же я её ненавижу!

Стоя в кабинете, где до сих пор оставалась кровь мамы, я докладывала о каждом слове Зейна. Я обманула его, но выбора полковник мне не оставила. Когда-то я сказала, что слова "у меня нет выбора" произносят трусы, но я ошибалась. Случаются моменты, когда ты поистине бессилен, напуган и растерян.

Полковник всё обо мне знает. То, что я воровала лекарство для сестры. Почему я перешла в черные. О том, что я кокетничала и целовалась с Зейном. Она знает обо всём. О каждом шаге и слове.

– Заставь Закари Келлера прийти ко мне по своей воле и никому никогда не рассказывай о моём приказе и вообще о нашем разговоре!

Так звучал приказ полковника, она неоднократно говорила о расплате за мою неосмотрительность. Мать Зейна рассказала, как я должна вести себя, когда приду к нему в комнату. Она всё спланировала, но я до сих пор не могу понять для чего. Для чего эта мразь убила мою маму?! Она может попросить своего старшего сына приехать на базу, но не делает этого. Она может отдать приказ и его приведут насильно, но и этого она тоже не делает. Её причины меня не касаются, важно только одно, я должна попасть на базу номер девять и как-то убедить Закари Келлера приехать к полковнику. Добровольно. Как я буду это делать? Неизвестно.

Прежде чем отправить меня к своему младшему сыну, полковник сказала, что именно я должна говорить. Мне даже не пришлось притворяться, ведь там, в комнате Зейна я была как никогда сама собой. Я буйствовала и рыдала, орала, вопила и раскидывала его вещи. Кричала о том, как ненавижу Келлеров и всё, что с ними связано. И это было ложью лишь отчасти, ведь ненависти к Зейну я больше не испытывала. А к Закари вообще никак не относилась, у меня даже нет нормального мнения о нём, ведь я его совершенно не знаю. Но ненависть на их мать перекрыла мне всё.

У меня есть шесть месяцев. Таков срок исполнения приказа полковника.

Смыв с себя кровь и переодевшись, я под конвоем отправилась в свою комнату за вещами. Взяв футболку Лари, я покинула место, которое больше полугода служило мне домом, и отправилась вслед за провожатым. На момент, когда я доставала футболку Лари, в комнате были только Рики и Хьюго. К моему удивлению, именно Хьюго спросил, что со мной и куда меня уводят. Я не ответила. Не могла.

Логан, высокий широкоплечий военный с тёмными короткостриженными волосами и пустым взглядом, он – тот самый, что привёл в кабинет полковника маму и сестру, сопровождал меня вплоть до двери карцера, в котором я уже бывала ранее.

Оставшись одна, я забилась в угол и стала тихо плакать.

Я до сих пор не верю, что всё это произошло на самом деле. А если верить словам Зейна сказанным ранее, то борьба полковника и его старшего брата сотрут меня в порошок. В какой-то степени я жду этого. Но не могу позволить себе сдаться именно сейчас. Лекса осталась одна с новорожденным ребенком и с Габриэлей. Я молюсь, чтобы Лари помог ей. На полгода сестре придется стать взрослой и самостоятельной. Ей уже сегодня нужно повзрослеть. Ведь больше её оберегать некому. Кроме этого на её попечении двое детей.

Я не знаю, как она справится.

Я не знаю, как справлюсь я.

На удивление, но я уснула. Сон оказался беспокойным, я постоянно от кого-то бежала. Оборачивалась и видела искаженные ужасом лица всех, кого я знаю. Всех, кроме мамы. Видимо, кто-то свыше решил, что даже во сне мне не суждено её больше увидеть.

Проснувшись, я ещё долго лежу на деревянном настиле и смотрю в потолок, хотя из-за темноты его вовсе не видно. Я думаю обо всем, что произошло вчера, и чему только предстоит свершиться. Как же я ошибалась, что база – это спасение.

До слуха доносятся звуки шагов, и уже через несколько секунд возле камеры останавливается Логан, отпирает дверь.

– На выход.

Безропотно поднимаюсь и подхожу к открывающейся двери. Выхожу наружу и морщусь от света в конце тоннеля. Молча слеую за прихвостнем полковника, и, естественно, он ведет меня напрямик к мегере.

Мне кажется, что из меня выжали все жизненные соки, я с трудом переставляю ноги, но всё же продолжаю идти. Я бы могла попытаться сбежать от полковника, но бежать некуда. Да и семью я не смогу оставить.

Оказавшись в ненавистном кабинете, тут же бросаю взгляд на место, где до идеального блеска отполировали пол. Больше тут нет крови. Словно вчера ничего и не было.

– Возьми это, связь будем держать раз в неделю, по средам до 16:00.

Беру со стола рацию и стараюсь не смотреть на полковника.

– И помни, за что именно ты сражаешься.

Сражаюсь? Самое глупое, что она могла сказать мне. Я выживаю, о сражении тут и речи не идет.

– Проводи её к машине.

Логан не отвечает, открывает дверь, и прежде чем выйти из кабинета, я всё же бросаю короткий, полный ненависти взгляд на полковника. На секунду пересекаюсь с её взглядом, который не выражает абсолютно ничего. Как она может быть такой? На её руках кровь ни в чем неповинного человека, а она продолжает жить, словно ничего не случилось.

Проходя по коридорам базы, я мысленно с ней прощаюсь, ведь я могу и не вернуться. Должна, но это не значит, что у меня получится.

Чувствую себя призраком. Без тела и души. Без чувств и эмоций, я как марионетка переставляю ноги только потому, что этого желает полковник. Как я могла ей восхищаться? В одном она права – я глупая. Поверила в какие-то рассказы про хищников и добычу. Я настолько хотела быть похожей на полковника, что потеряла время, которое могла провести с мамой. Мне кажется, что всё, что говорила полковник, повлияло на меня с целью воплощения её плана в жизнь. Я тренировалась, потому что она хотела этого, я поверила в себя и начала заигрывать с Келлером, потому что ей это было нужно. Я дышала, потому что она позволяла.

Перед выходом Логан подает мне респиратор, натягиваю его и жду, когда откроется последняя дверь.

На подходе к машинам прислужник полковника отдает мне рюкзак, в котором, кроме формы, футболки Лари, черного платья и всего нужного для встречи с президентом, ничего нет. Убираю туда рацию, стараюсь затолкнуть её в самый низ рюкзака.

Сажусь в машину, и дверь закрывается. Через тридцать секунд мы отъезжаем от базы и направляемся к аэропорту. Пару раз останавливаемся, я слышу выстрелы, но даже не поворачиваюсь в их сторону. Когда машина тормозит у аэропорта, я выбираюсь наружу. На взлетной полосе меня ждёт металлическая птица огромных размеров. Поднимаюсь на борт и только там замечаю Келлера. Он уже сидит на последнем сиденье и кивает мне.

Я обманула его, а он поверил.

Мне не нужно было скрывать своего горя и ненависти к его семье, точнее, к матери. Все слова исходили из глубины моей души. Но я не ожидала, что он будет так нежен и заботлив.

У нас состоялся всего один поцелуй и куча флирта, но именно вчера стало понятно, Зейну Келлеру я небезразлична. Убираю рюкзак наверх и сажусь рядом с ним. В кресло прямо передо мной опускается Логан. Даже в самолете у полковника свои глаза и уши.

– Как ты? – спрашивает Зейн.

Поворачиваюсь к нему и, смотря в голубые глаза, в которых сейчас нет даже маленькой льдинки, отвечаю:

– Сносно.

– Я договор...

Не даю ему закончить, ведь ублюдок Логан рядом, притягиваю Зейна к себе и целую прямо в губы. Сначала он не откликается на мою ласку, а потом нежно, практически благоговейно берет моё лицо в ладони и отвечает. Стараюсь отдаться этому моменту, но в голове сидит только лицо полковника. Я ничего не чувствую. Что-то беззаботное внутри меня погребло там, в кабинете.

Отстраняюсь и слабо улыбаюсь.

– Я договорился, – шепчет он.

– Спасибо.

– Мы будем видеться, – говорит Зейн и сжимает мою руку. – Не часто, но будем.

Меня так и подмывает сказать ему, говорить ещё тише, но я этого не делаю.

– Попроси Лари присмотреть за Лексой, – прошу я Келлера.

– Хорошо.

Мне странно сидеть тут с ним и держаться за руки. Это настолько нелепо и неуместно. Его мать застрелила мою, я обманула его, он думает, что обманул свою мать ради меня.

Никогда бы не подумала, что снова хочу видеть неприступного Зейна Келлера, которому на меня абсолютно плевать. Сейчас я не хочу приносить ему боль, но понимаю, что рано или поздно он узнает о моём обмане. Сейчас я наглым образом использую его.

– Не думала, что ты такой добряк, – шепчу я, стараясь отвлечься от мыслей.

– Сам шокирован.

Одновременно и лестно, и горько это слышать. Я так же потеряла время с Зейном. Я настолько заигралась во весь этот флирт... я не думала, что идиллии моей жизни так резко придет конец.

Мы ведь всегда не ценим тех, кто рядом с нами, пока не теряем их. Все мы в какой-то степени законченные эгоисты, которые думают только о себе.

Отворачиваюсь от Зейна, и откинув голову назад, прикрываю глаза.

– Старайся держаться от брата подальше, – шепчет Келлер.

Не могу.

– Почему?

Зейн не отвечает, и тут я догадываюсь. Открываю глаза и снова поворачиваюсь к Келлеру.

– Неужели ты ревнуешь? – с замиранием сердца спрашиваю я.

– Нет. У него свои тараканы и он...

Келлер так и не договаривает.

– Помню, как ты приписывал мне в ухаеры и Хьюго, и Лари.

Кажется, это было в другой жизни, когда моей главной проблемой было уследить за рыжим соседом по комнате.

– Это было давно.

Вглядываясь в глаза Келлера, я решаю сказать ему одну из немногих правд, на которую сейчас способна.

– Зейн? Мне жаль, что между нами так ничего не и случилось.

– Ещё случится, – тут же отвечает он и переводит взгляд на мои губы.

Как же ты ошибаешься.

Пилот сообщает о взлете, и через пару минут самолёт набирает скорость, а потом шасси отрываются от земли, и я, прикрыв глаза, откидываюсь на спинку сиденья.

Зейн держит меня за руку вплоть до самой посадки. После, вооруженные люди сопровождают нас до бронированных машин и дальше три часа дороги. Мы прибываем одними из первых. Огромное здание в виде полумесяца светится тысячами огней, словно и не произошел апокалипсис. В соседних зданиях, которые также находятся в периметре, света нет.

Этот маяк привлечет кого угодно, но трехметровое ограждение не даст непрошеным гостям попасть внутрь. Как только нас доводят до широкой мраморной лестницы, эти люди исчезают и появляются другие. Они провожают нас на второй этаж и размещают в комнатах. Мне достается отдельная, ведь я – единственная девушка.

Комната больше похожа на люксовый номер дорогого отеля. Всё в нежных бежевых тонах, отполировано до блеска.

Стук в дверь отвлекает меня от созерцания красоты. Только после второго стука я осознаю, что нужно пригласить гостя.

– Войдите.

На пороге возникает Логан, его лицо даже с натяжкой я бы не охарактеризовала как дружелюбное.

– Приём через три часа, приведи себя в подобающий вид. Всё нужное в рюкзаке.

Логан уходит, показывая его спине фак и тут же бросаю настороженный взгляд на рюкзак, который оставила возле кровати.

Достаю платье, которое, к моему удивлению, совершенно не помялось, и бросаю его на кровать. Отправляюсь в ванную комнату и, используя всевозможные тюбики, что тут находятся, намываю своё отвыкшее от должного ухода тело. Кажется, что под душем я провожу намного дольше нужного. Нос наполняют приятные ароматы, и это немного успокаивает и мысленно возвращает меня во времена, когда обычный душ не был чем-то сверхъестественным. Позволяю себе пролить ещё несколько слезинок. Вспомнить пару моментов с мамой.

Выбираюсь, сушу волосы, на это уходит тоже немало времени. Достаю косметику и туфли – всё это, дар от полковника. Подвожу глаза тонкой стрелкой, крашу длинные ресницы, на губы наношу красную помаду. Собираю волосы в подобии вечерней прически, вынимаю от общего пучка пару прядей. Они слишком длинные и я подкручиваю их с помощью фена и круглой расчески.

Делая всё это, я нахожусь в полнейшей прострации. Всё происходит на автомате, словно я снова вернулась в ту беззаботную жизнь в шикарном доме отца и собираюсь на очередную пышную вечеринку. Но вот дома у меня больше нет, как и мамы. Вечеринки – это пережиток прошлого, нормального мира. Но ведь и мира, по сути, тоже нет. Но вот она я, стою перед зеркалом, благоухая каким-то цветочными ароматами. По моему лицу и не скажешь, что внутри меня с каждым последующим вдохом что-то безвозвратно погибает.

Отворачиваюсь от зеркала, я не в силах смотреть на себя такую. Я должна оплакивать маму, а не наряжаться для Закари Келлера. Да. Я знаю для кого эта красная помада и черное платье. Не для президента и уж точно не для меня.

Возвращаюсь в комнату и смотрю на платье на кровати. Оно прекрасно и ужасно одновременно. Надеваю его и понимаю, что полковник знает обо мне абсолютно все, даже размер одежды. Влезаю в красные туфли на шпильке и подхожу к зеркалу в полный рост. И замечаю косяк на моём наряде. Сквозь шелк ничего невозможно увидеть. Платье в пол, с правой стороны разрез, который начинается на середине бедра, таким образом все увидят мою ногу в элегантной туфле. Дальше талия, облеплена словно вторая кожа, грудь так же. Платье переходит в один длинный рукав на левой руке, открывая полностью нагую ключицу, шею и часть спины. Но... Есть одно "но". Это платье не подразумевает под собой нижнего белья. Вообще.

Не снимая туфель, скидываю трусы и убираю их в рюкзак.

Снова смотрю на себя... великолепно.

Расправляю плечи, несмотря на то, что чувствую себя дорогой проституткой. Как сказала полковник: "Нужно? Затащи его в кровать.". Надеюсь, что до этого не дойдет, но... Не хочу об этом думать. Вообще не хочу думать. Ни о чём.

Отворачиваюсь от зеркала и иду к рюкзаку. Мягкие ковры спасают меня от цоканья каблучков, но не способствуют элегантности походки. Проверяю рацию и снова прячу её на самое дно рюкзака.

Выходя из комнаты, подмечаю, что на мне нет украшений, даже сережек, только черный браслет военного базиса номер восемь. Нужен ли он мне? Не знаю, но теперь я не хочу с ним расставаться. Только он и футболка Лари напоминают, что там остались мои родные. Они ведь даже не знают где я и что со мной происходит.

Выхожу из комнаты и замечая вокруг множество мужчин в черных, серых и темно-синих костюмах. Многие нарядились в дорожные запонки, часы и галстуки. Кого волнует конец света, если ты явишься перед президентом? Все нарядились, чтобы пустить ему пыль в глаза. Все, кроме меня, я тут для других глаз.

Оглядываю всех, но не могу найти взглядом Зейна или мистера Голда, но чувствую на себе десятки посторонних глаз. Делаю вид, что их не существует, но я определенно в центре их внимания. И неудивительно, ведь здесь, кроме меня, нет девушек, а мой наряд словно кричит: смотрите, смотрите на меня.

Обхожу мужчин, они, слава богу, уступают мне дорогу, кто-то кивает головой в знак приветствия. Отвечаю тем же.

– Брукс? – окликает меня голос Зейна.

Останавливаюсь и оборачиваюсь. Когда вижу его, моя челюсть спешит на встречу с землей. Зейн одет в строгий темно-синий костюм, но то, как он смотрит на меня... раньше он так смотрел только однажды, когда мы поцеловались. К щекам подступает жар.

Иду ему навстречу и тут слышу насмешливый голос за спиной.

– Теперь мне всё понятно.

Я не оборачиваюсь, пока не вкладываю свою руку в протянутую ладонь Зейна. Обернувшись, теряюсь. И его я должна привести на базу номер восемь? Закари Келлер смотрит на брата и криво улыбается, потом переводит взгляд на меня, наклоняет голову и рассматривает максимально медленно и нагло. Это невозможно, но я физически ощущаю его взгляд, он оставляет после себя ледяную дорожку из мурашек.

– Мышка, тебя не узнать, – говорит он.

– Не смей, – холодно произносит Зейн.

Старший брат переводит взгляд на младшего и выгибает бровь дугой.

– Не смей что? Спасать задницу твоей Брукс или паяться на её задницу?

Зейн делает шаг вперед, но я крепко сжимаю его руку, хотя не должна. Моя задача поймать интерес Келлера-старшего, но я... не могу. Мне от него жутко.

– Не обижай её.

– У меня не в приоритете обижать красивых девушек, мучить котят и издеваться над инвалидами. Так что тебе не о чем беспокоиться, – серьезно говорит Закари, а потом улыбается и добавляет. – Наверное.

Зейн утягивает меня от Закари, и я быстрым шагом следую за ним, но чувствую на спине взгляды и точно знаю, что один из них принадлежит голубым глазам.

Зейн затягивает меня в комнату, где я ранее приводила себя в порядок.

– Я что-нибудь придумаю, – говорит он, отпуская мою руку. – Ты не должна ехать на базу номер девять.

О, нет. Нет-нет-нет.

Открываю рот, чтобы воспротивиться, но Зейн не дает мне и слово вставить.

– Это была ошибка. Вчера я вообще не думал, действовал на эмоциях, но сейчас я понимаю, что есть другой выход.

Его нет. Жаль, что вслух я это произнести не могу.

– Зейн.

– Ты отправишься к моему отцу, он...

– Нет!

Мой вскрик останавливает тираду Келлера. Он бросает на меня максимально подозрительный взгляд, и я непроизвольно отступаю назад.

– Почему? – медленно спрашивает он и вглядывается в моё лицо.

Он утверждал, что умеет читать мою ложь, вспоминая всё, что он говорил о том, как я щурю глаза и стараюсь этого не делать. И лгу ему.

– Тогда мы не сможем видеться.

Пару мгновений Зейн молчит.

– Это главная причина?

Ещё одна ложь.

– Да.

Дверь открывается без стука, и в комнату входит Закари, руки его в карманах брюк, взгляд обегает комнату.

– Говорят, президент не любит ждать, – произносит он, останавливаясь между мной и Зейном. Келлер-старший протягивает мне руку ладонью вверх и, смотря в глаза, практически приказывает. – Идём.

– Куда? – пишу я.

– На встречу, составишь мне компанию.

Зейн обходит брата и встаёт рядом со мной, открывает рот, чтобы что-то сказать, но Закари не позволяет ему этого.

– Ты просил меня о защите этой девушки, либо это начинается сейчас, либо никогда.

Не дожидаясь ответа Зейна, чувствуя себя максимально погано, вкладываю свою руку в ладонь Закари. Он перекладывает её себе на изгиб локтя, и мы выходим из комнаты. Когда дверь закрывается, я слышу, как там что-то падает.

Глава третья

Идя под руку с Закари Келлером, я нервничаю. Рука начинает дрожать, и спутник накрывает мои пальцы своею горячей ладонью.

– Не стоит бояться. Президент – обычный человек.

Знал бы ты, что боюсь я вовсе не президента. Меня страшишь ты и всё, что будет со мной в дальнейшем. Как я могла оказаться в такой ситуации?

– Не думаю, что меня пустят к нему, – говорю я, продолжая тему президента и моего страха.

– Он не знает даже половины тех, кто сегодня приехал. Но не советую делать резких движений, его телохранители могут случайно расстрелять тебя.

Ещё лучше.

Холл пуст, больше тут нет десятков мужчин в строгих костюмах, остались только военные президента, они стоят вдоль стен, вооружены и опасны. Цоканье шпилек разносится под сводчатым потолком и отражается от стен гулким эхом. Слышу за спиной шаги Зейна, но не оборачиваюсь. Я вообще плохо понимаю, как мне себя вести. Поднимаемся по лестнице и оказываемся на третьем этаже, тут нет ничего, кроме широкого зала и двери в конце, возле неё стоят четверо мужчин с оружием. Останавливаемся возле них, и Закари отпускает мою руку. Нас проверяют металлодетектором, обернувшись, я встречаюсь взглядом с Зейном. Его лицо снова превратилось в маску, которая ничего не выражает. Было проще если б моё отношение к нему не изменилось, если бы не было всего того флирта, поцелуя при набивании тату и поцелуя в самолёте. Было бы намного терпимее, если б он не бросился на мою защиту и спасение.

Поворачиваюсь обратно, мужчина с металлодетектором открывает одну из двух половин дверей, и мы входим в комнату огромных размеров. В центре стоит длинный белый стол овальной формы, мужчины расселись по обе стороны, а во главе сидит президент. Увидев его, я на мгновение сбиваюсь с шага, и теплая рука Закари поддерживает меня за спину.

Проходим вглубь помещения, останавливаемся, немного не дойдя до середины стола, Келлер отодвигает для меня стул, я как можно элегантней сажусь, мой спутник опускается рядом. Все смотрят на нас, в том числе и президент. Никто не замечает, что Зейн садится прямо напротив меня, по правую руку от мистера Голда.

Пару мгновений мы сидим в тишине. Я хочу забраться под стол и спрятаться от всех этих взглядов, Закари приветствует президента, я делаю то же самое.

Для чего я здесь? Как девушка из бедного района Дрим Сити оказалась за одним столом с президентом? Дверь снова открывается, и входят ещё три человека, рассаживаются по местам, и президент говорит:

– Приветствую всех вас. Настали сложные времена. Наша страна в упадке, резервации, которые были созданы для не зараженных граждан, не заполнены и наполовину. Военная мощь нашей страны слаба, и в случае войны, нам не одержать победы. Но собрал я вас ради другого, – президент выдерживает паузу и продолжает. – Из правительства осталось всего семнадцать человек. Остальные были ликвидированы из-за заражения T001. Некоторые находятся в лабораториях, но вылечить их уже нет возможности. Остается одно – найти вакцину для выживших, уничтожить зараженных и построить новый мир. Мы, как и наши дети, как и дети наших детей, не увидим спокойствия, но мы можем начать отстраивать цивилизацию уже сейчас для будущих поколений. Я собрал главнокомандующих баз и иных военных объектов для возрождения былого величия сената. Мы должны провести выборы и назначить новых глав в разных структурах, а также рассмотреть мой план, внести в него коррективы или же предложить свои. Господа, я согласен на любые дискуссии. Больше это откладывать невозможно.

Президент замолкает. Я разглядываю всех, кто собрался на противоположной стороне стола. Стулья заняты не все, и я надеюсь, что они просто пусты, а не кто-то не доехал до точки назначения по случаю гибели. У стен стоят вооруженные люди, думаю, именно о них говорил Закари, предупреждая меня о расстреле. Украдкой разглядываю президента, в жизни он выглядит куда хуже, чем на экране. Под глазами круги, морщин вроде как больше. Темные волосы с проседью отросли, а галстук завязан наспех.

– Перед вами лежат папки, в них я расписал всех предложенных мною кандидатов, их заслуги перед страной и характеристики, данные их сослуживцами, прошу вас ознакомиться и проголосовать.

Мужчины начинают шуршать листами. Они читают и отдают свой голос. Передо мной тоже лежит папка, в итоге я её открываю. Нахожу там одно-единственное знакомое имя, и оно принадлежит полковнику Келлер и, как оказалось, её зовут Катарина. Президент видит её в роли главнокомандующего армией. Вот это да. Беру ручку и выбираю первого попавшегося мужчину. Кто угодно, но только не сука, возмнившая себя вершителем судеб.

Закари замечает, что я делаю и тихо произносит:

– Тебе придется проголосовать за каждый пункт, иначе твой голос не зачтется.

Бросаю на него косой взгляд, но он на меня уже не смотрит, а с совершенно нечитаемым лицом продолжает голосование.

Принимаюсь за работу и голосую за более привлекательные по звучанию фамилии. Я справляюсь с задачей первой.

За время всего голосования, которое длится не меньше двух часов, никто не произносит ни единого слова. Если даже мужчины и переговариваются, то делают это максимально тихо.

Когда последний из избирателей закрывает папку, президент говорит:

– Благодарю вас, джентльмены и леди.

Ох ты ж, меня он заметил. Надеюсь, что президент больше ничего не скажет о моей размаляванной персоне, так и происходит, он продолжает свою речь, позабыв о моём существовании.

– Прошу вас пройти на четвертый этаж, там состоится небольшой банкет с напитками и закусками. Завтра голоса будут подсчитаны, и вынесены вердикты. Те, кто находятся в бюллетенях или их представители, я прошу вас остаться, остальные могут отправляться домой сразу же после банкета. Если у кого-то из вас есть для меня новая информация, можете обратиться к любому служащему здесь, они проводят вас ко мне. Более не задерживаю.

Звук отодвигающихся стульев такой неожиданно громко, что я вздрагиваю. Закари помогает мне встать, и на мгновение я пересекаюсь с ним взглядами. Он ничего не говорит, и кивает мне в сторону выхода. Теперь я не иду с ним под руку, а шагаю как полноценная единица, но всё равно чувствую себя клоуном-неудачником, на которого все смотрят, но не смеются.

Все отправляются наверх, и мы не исключение. Замечаю, как Зейн разговаривает с мистером Голдом. Оставляю их позади и, оказавшись ещё на один этаж выше, останавливаюсь. Несколько круглых столов укрыты белыми квадратными скатертями, на них стоят множество яств и фужеров, наполненных игристым шампанским. От запаха изысканной еды сводит челюсти, а рот наполняется слюной. У стен расставлены прямоугольные столы и стулья с резными спинками. Закари провожает меня туда и оставляет одну. Позволяю себе выдохнуть, но, к сожалению, он слишком быстро возвращается.

– Отличная помада, – говорит он, усаживаясь рядом, и подает мне бокал шампанского.

Отпивает пару глотков из своего и не отрывает от меня испытывающего взгляда. Я внутренне сжимаюсь, от настолько пристального внимания хочется бежать без оглядки.

– У меня есть пара вопросов и пара условий, – говорит он, отставляя бокал.

Выпиваю весь фужер, в нос ударяют взрывные пузырьки, я морщусь, а в глазах выступают слезы. Ставлю пустой бокал на стол и спрашиваю:

– Какие?

С ужасом жду следующих слов.

– Ты будешь жить под моим покровительством, но первый месяц ты можешь считать себя пленницей. Тебе нельзя будет никуда ходить без сопровождения, а на вылазки, так просил мой братишка, ты будешь выезжать только со мной.

– Почему я месяц буду в заложниках?

– Будем считать, что это останется моим маленьким секретом, – непринужденно отвечает Закари, крутит ножку бокала, рассматривая его, а потом бросает на меня колющий взгляд. – У тебя ведь есть секреты?

К чему он это спрашивает? Он знает для чего я здесь? Сердце пропускает несколько жизненно важных ударов, и от этого начинает кружиться голова. Или это от шампанского?

– Есть, они тоже маленькие.

Закари снова смотрит на бокал, продолжает поглаживать ножку, криво улыбается и произносит.

– После прошествия месяца ты будешь вольна делать, что тебе угодно, охрана будет снята. Но ты обязана жить по правилам базы номер девять.

С правилами базы номер восемь у меня не сложилось, но тут я постараюсь не наживать себе излишних проблем. Сделаю, что велит полковник и вернусь к семье.

– Хорошо.

– А теперь вопросы.

Хищный блеск глаз чарует и одновременно вводит в ступор.

– Первый, ты знала, что сегодня не вернешься на базу номер восемь?

– Да.

– Второй, это платье ты надела ради меня?

Воздуха не хватает. Закари смотрит на меня с видимым превосходством и самолюбием. Он не сомневается в ответе.

Вижу, как за спиной Закари к нам идет Зейн, возвращая взгляд на старшего брата и на выдохе произношу:

– Да.

– Так и думал.

– Самонадеянно.

Мимолетная улыбка и мгновенный ответ.

– Безусловно.

Зейн подходит к нам и садится по другую сторону от меня.

– Принесу еды и ещё бокал алкоголя, – говорит Закари и, поднимаясь с места, добавляет. – Братишка, ты не говорил, что она выпивает.

Что вообще Зейн рассказывал обо мне Закари?

Старший брат растворяется в толпе, и я протяжно выдыхаю. Зейн молчит, и я тоже не знаю, что ему сказать. Мне максимально некомфортно, я хочу сбежать из этого зала, переодеться в нормальную одежду и перестать выглядеть так откровенно. Мне не хватает кислорода. Я путаюсь в своих мыслях и эмоциях. Хочу побыть одна и нормально оплакать маму. Мне нужно время для мыслей о дальнейших действиях, ведь сейчас я совершенно растеряна.

– Мы встретимся через семь дней, – говорит Зейн.

Поворачиваюсь к нему и снова чувствую себя дрянью. Мой обман рано или поздно откроется, и он снова возненавидит меня. И правильно сделает. Но если мою ложь откроет Закари, то убьет меня не раздумывая. А если я попытаюсь рассказать о кознях полковника хоть кому-то, то она убьет не только меня, но и Лексу, Лари и, возможно, Габи и Доми.

В какую сторону не глянь, кругом одна жопа, а я в самом её центре.

– Что между вами не так? – спрашиваю я Зейна, пытаюсь хоть как-то понять их странные отношения с Закари. – Вы же братья.

– Об этом не стоит говорить.

Не собираюсь настаивать. Ладно, выясню это как-нибудь потом.

Закари приносит тарелку еды, приборы и бокал шампанского. Пододвигает тарелку ко мне и говорит:

– Ешь.

Я бы с удовольствием съела слона, приправленного лишь солью, но сейчас даже кусок в горло не полезет. Я настолько перенервничала, что могу потерять сознание в любую секунду. Или меня стошнит. Или все вместе.

– Спасибо, я не голодна.

– Ешь, – повторяет он.

– Закари, отстань от неё. Если она не хочет...

– Но я хочу, – говорит Закари, прерывая тираду брата, он берет вилку и накалывает на неё уже порезанный кусок мяса. Смотря мне в глаза, серьезно произносит. – Если нужно, я сам тебя покормлю.

– Прекрати, она тебе не игрушка. Ты же знаешь, что её мама...

Зейн не договаривает, а Закари не смущает несказанное братом слово.

– Мертва её мама, – серьезно произносит он. – Но мышка-то жива.

Забираю вилку из его рук и запикиваю себе в рот кусок мяса. Жую, не чувствуя вкуса и запаха, а на глазах выступают слезы. Стараюсь не слушать, о чём говорят братья, и постепенно съедаю то, что лежит на тарелке. Но всё же я распознаю, как Зейн просит Закари поговорить наедине. Они куда-то уходят, а я продолжаю сидеть и есть. Всё же слезы не удерживаются на ресницах и летят вниз на элегантное черное платье.

Не стоит Зейну заступаться за меня. Мало того что я к этому не привыкла, так это только подзадоривает Закари. Я уже давно свыклась с мыслью, что буду сама за себя заступаться, я не хрупкий цветок, который сможет сломать столь холодный ветер. Не думала, что Зейн будет бросаться на каждое слово своего брата. Это мило с его стороны, но не стоит. Вообще ещё неделю назад я бы не применила к нему слово "милый". Всё перевернулось с ног на голову, и навряд ли вернется в исходное положение. Придется научиться жить вверх тормашками.

Чувствую себя куском мяса, который каждый тянет в свою сторону. Не время жалеть себя, чем быстрее я найду подход к Закари Келлеру, тем быстрее все это прекратится.

Хочу к Лари и Лексе. Смаргиваю следующие слезы и откладываю вилку.

– Идём, – говорит Закари у меня за спиной.

Поднимаюсь и спрашиваю:

– Куда?

– Мы уезжаем.

Бросаю взгляд на Зейна, он стоит, руки, как всегда, за спиной.

– Пока, – говорю я.

– Увидимся через неделю, – напоминает он.

Я немного мнусь на месте, не зная, что сделать. Должна ли я обнять его на прощание или поцеловать? Кем мы вообще стали друг другу? Пока на горизонте не появился Закари, этих вопросов у меня не возникало.

В итоге я ничего не делаю, ухожу за Закари и замечаю в углу комнаты Логана, он провожает меня пристальным взглядом. В полной тишине Келлер сопровождает меня до комнаты.

– Я быстро, – говорю я перед тем как скрыться от его взгляда за дверью.

– Не снимай платье.

– Что?

– Платье не снимай. Бери вещи и на выход.

В его голосе больше нет и тени юмора или издевки. Только приказы.

Захожу в комнату, хватаю рюкзак и быстро выхожу. Идём по холлу, и я спрашиваю:

– Что-то случилось? Почему мы так спешим?

– Кто сказал, что мы спешим?

И тут до меня доходит...

Платье на мне – это его прихоть.

На улице идем к воротам, там ожидаем машину с военными. Уже ночь и её прохлада заставляют меня поежиться. Келлер бросает на меня короткий взгляд, снимает с себя пиджак и накидывает его на мои плечи.

– Спасибо, – шепчу я.

Он не отвечает. Приезжает машина, мы садимся и едем вдвоём, не считая водителя.

– А где остальные? – спрашиваю я.

Из базы номер восемь на встречу с президентом прилетели тридцать человек.

– Кто?

– Ты приехал один?

– Нет. Четверо остались в аэропорту.

Больше не задаю вопросов. Если бы я была в машине одна, то мерное покачивание уже давно бы усыпило меня. Но я не одна. Удивляет то, что на машину не нападают зараженные, их тут словно и нет. Начинаю снимать пиджак, но Келлер останавливает меня.

– Оставь.

Снова не перечу ему, бросаю взгляд на рюкзак, словно он мог сбежать. Закари откидывается на спинку, расстегивает пару пуговиц на рубашке и, пристально смотря на меня, произносит:

– А теперь расскажи мне, для чего ты здесь на самом деле.

Глава четвертая

Вот это вопрос.

Сердце бухает о ребра, ладони потеют, но я не смею пошевелиться, чтобы обтереть пот о платье. Закари так пристально смотрит на меня, что душа начинает метаться внутри тела, она не может найти выхода, как и я. Смотря в глаза этого человека, я знаю одно – правду ему говорить нельзя. Кто бы знал, как я желаю переложить эту ношу на чужие плечи, но плечи Закари Келлера для этого максимально не подходят.

Отвожу взгляд в сторону, смотрю в окно и решаю сказать часть правды, ту, за которую ни мне, ни сестре не будет грозить смерть.

– Для того, чтобы выжить, – в итоге тихо произношу я.

Машина набирает скорость, и я немного вдавливаюсь в сиденье. Уже отвыкла от быстрой езды, в основном все вылазки проходили в городах, а там загруженные хламом дороги не способствуют скорости.

До слуха доносится смешок Закари, и я ещё сильнее вжимаюсь в сиденье. Кто бы знал, как меня беспокоит сейчас мой внешний вид. Даже будучи в шикарном платье, при макияже и причёске, я не смею и думать начать заигрывать с Закари и хоть как-то вызвать его интерес. Больше всего желаю, чтобы его заинтересованность моей персоной и вовсе пропала.

– Если тебе удалось провести вокруг пальца Зейна, то не думай, что...

Он не договаривает. Машина резко виляет влево, и я практически сваливаюсь с сиденья. Закари оборачивается к водителю и спрашивает:

– Что там?

Водитель не отвечает, ещё раз сворачивает налево, шины свистят, и мы врезаемся во впереди стоящий автомобиль, мотор глохнет. Вскрикиваю и практически перелетаю через сиденье. Гудок машины звучит как призыв к пиру для зараженных. Что произошло? Закари проверяет водителя, голова которого покоится на руле и вызывает весь этот шум.

– Свернул шею, – сообщает он, перевешивается вперед, пытается завести машину, но она больше не движима, мотор молчит.

Я, конечно, хотела, чтобы разговор с Закари подошел к концу, но не думала, что всевышний услышит меня и тем более поможет.

– Выходи, – говорит Закари, и я моментально всовываю руки в рукава его пиджака.

Я хотела бы переобуться, но времени нет, со стороны, куда изначально направлялась машина, бегут зараженные. Я их не вижу, туман не позволяет, но безошибочно слышу голодную толпу. Они издают ужасающие звуки, а шлепанье босых ног по асфальту и вовсе посылает дрожь по рукам.

Единственное, что я успеваю сделать, так это скинуть туфли и закинуть себе за спину рюкзак. Его потерять я не имею права. Если в один из оговоренных полковником дней я не выйду на связь, то Лекса, Лари и дети будут мертвы.

– Оружие? – в надежде спрашиваю я Зака.

– На встречу с президентом не принято приносить пистолеты и ножи.

– А в машине?

– Пусто.

Выбираюсь из машины, и не понимаю, куда мне бежать, дорога словно проходит посреди парка, слева и справа деревья.

– Туда, – указывает Закари, и я тут же срываюсь с места.

Бежать по асфальту босиком не сложно, но стоит нам очутиться между деревьев, как я вскрикиваю от боли в стопах. Мелкие камни и ветки практически рвут кожу, но страх не позволяет появиться мыслям об остановке. Звуки погони за спиной подстегивают перебирать

ногами быстрее и быстрее. Преодолеваем полосу деревьев и снова оказываемся на асфальтированном участке дороги.

Чёрт! Тут ничего нет! Негде спрятаться, оружия у нас нет, нужно только бежать, но босиком я далеко не убегу. Оборачиваюсь, зараженные близко, но я успею.

– Стой! – кричу я Закари.

На ходу скидываю рюкзак, достаю свои ботинки и натягиваю их как можно быстрее. Я удивлена, но от Келлера неслышно никаких претензий, он не кричит и не торопит меня, внимательно наблюдая за толпой, которая с каждой секундой неумолимо приближается. Теперь и я их вижу. Максимально быстро перевязываю шнурки вокруг ног, собираюсь закинуть рюкзак за спину, но Закари забирает его, рывком поднимает меня на ноги, и мы продолжаем бежать. Зараженные практически дышат нам в спину, я слышу их смрад. Снова оказываемся между густо посаженных деревьев, отталкиваю руками ветки, но это слабо помогает. Стараюсь не потерять из виду Закари, который бежит справа от меня. Ночь, туман и вездесущие деревья вообще не помогают рассмотреть дорогу перед собой. Ветки хлещут по лицу и от прически ничего не остается. А что, если мы бежим прямо в их логово и скоро станем закусками для голодных зараженных?

Меньше думай, Алекс, больше перебирай ногами!

Не оборачиваюсь, бегу, ветки бьют по лицу, ноги передвигаются с невероятной скоростью. Снова оказываемся на асфальте, дальше забор выше меня ростом.

– Там забор! – кричу я.

– Вижу.

Келлер перегоняет меня, присаживается на одно колено перед высокой преградой, складывает руки на своём колене, не притормаживая подпрыгиваю, отталкиваюсь от его рук ногой, цепляюсь за забор и больно ударяюсь всем телом о металл. Закари подталкивает меня выше, и я практически перелетаю через преграду, мешком падаю на землю. Стону от боли во всём теле, но Закари уже пересёк забор, в который врезаются зараженные, и поднимает меня.

– Ничего не сломала?

– Вроде нет. Но платью конец.

Я практически бегаю по темноте с голой задницей.

– Нам нужно в город, – говорит Закари, и я тут же забываю про порванное платье, которое с трудом, но всё же скрывает некие голые участки моего тела.

– Там их будет ещё больше.

– Вероятно, да. Но там транспорт, а без него мы будем очень долго идти до аэропорта.

Не спорю, потому что на это нет времени. Через забор переваливается первый зараженный, на него тут же падает второй. Срываемся с места и бежим в сторону города, преодолеваем километр, не меньше. Я уже готова выплюнуть легкие, ноги подкашиваются, а горло болит. Но мы оторвались. Надолго ли?

Идем прямо по дороге. Ночь, тишина. Окраина города полностью без света, из-за любого темного уголка на нас могут выпрыгнуть зараженные. Это опасно – разгуливать тут без оружия. Краем глаза замечаю, как Закари закатывает рукава рубашки чуть ниже локтей. Он так пристально всматривается во тьму, словно может там что-то увидеть. Запахи пиджак и связываю его внизу живота. Так я хоть как-то прикрываю себя, да и бежать в таком огромном балахоне не очень удобно.

– У третьего дома стоит машина. Если там есть топливо, то берем её.

– И ключи.

Закари бросает на меня мимолетный взгляд и никак не комментирует мои слова. Может, он и умеет заводить машину без них, но не стоит вести себя как заносчивая задница. Кошусь на рюкзак, он висит на плече Закари, надеюсь, рация цела.

Доходим до машины, водительская дверь не заперта. Закари заглядывает внутрь и вытаскивает из бардачка какую-то линейку. Отправляется к баку, открывает его и проверяет.

– Пусто. Идём дальше.

Чем дальше мы проходим, тем больше домов и машин встречаем на своём пути. Иногда распознаю какие-то звуки, но стараюсь не думать о том, кто может их издавать. Если Закари не паникует, то и я не буду. Наверное. Только если самую малость.

Проходит больше часа, а мы так и не нашли ни одной целой машины. У некоторых спущены колеса, у других нет топлива, а у тех, что есть, нелады с чем-то другим. На моё предложение слить бензин, Закари сообщает, что не с любой машины это можно сделать. Можно пробить бак, но от этого будет слишком много шума.

Продолжаем движение вплоть до перекрестка, который полностью завален телами. Вонь тут стоит невообразимая, несмотря на прохладу я слышу жужжание множества мух. Половина тел изглоданы до самых костей. Мы словно забрели в ад, в кормушку для зараженных. Тошнота подступает к горлу, отворачиваюсь в сторону и в первом же доме в окне замечаю свечение, которое тут же исчезает.

– Закари, – зову я.

– Можно просто Зак.

Указываю рукой на окно, которое, в отличие от большинства, не выбито, и говорю:

– В окне был свет. Фонарик или свеча...

Не дослушав меня, Зак направляется в сторону одноэтажного простенького дома. Плещусь следом и подмечаю, что на участке намного чище, чем на соседних. Тут точно кто-то живет. Все окна и дверь целы, но на крыльце я вижу темное овальное пятно, скорее всего засохшая кровь. Глаза уже болят от натуги. Вглядываться сквозь туман непросто, чаще всего от долгого пребывания на улице начинает болеть голова и слезиться глаза.

Зак останавливается перед дверью, поднимает руку и просто стучит. Тихо стучит. Естественно, никто не отзывается.

Зак оборачивается и говорит:

– Там кто-то есть. Будь добра, отойди с линии огня.

Тут же захожу ему за спину. Я не совсем поняла, что такое линия огня, думаю, это место напротив двери.

– Мы пришли с миром, – начинает Зак, оглядываясь по сторонам. – Но если не откроете, боюсь, мне придется сломать дверь, и тогда ваша защита будет уже не столь уверенной.

Тишина. Я уже готова закатить глаза, как слышу шарканье у двери. Зак отодвигает меня ещё дальше, и дверь приоткрывается на пару сантиметров. Из тени на нас смотрит глаз, обрамленный морщинами и седыми ресницами.

– Вы привели их с собой? – хрипит старик.

– Нет, – отвечает Зак.

Глаз хозяина дома прищуривается.

– Хотите меня ограбить?

– Нет.

– Я вооружен.

– А я – нет.

Вот я и выяснила самое популярное слово в лексиконе Закари Келлера.

Дверь открывается ещё шире, и я вижу невысокого очень пожилого мужчину, в его руке двустольное ружье. Оружие тяжелое и старик, больше не в силах держать его на весу, ставит у двери.

– Опасно тут ходить, – сообщает он неожиданную новость.

Закари не убирает руку, которая преградой не дает мне выйти вперед.

– Мы заблудились. Нам нужна машина.

Старик раздумывает и, хмуря брови, сообщает:

– У Руби есть машина.

– Я был бы рад поговорить с Руби и купить её машину.

Купить, какое далекое от нашей жизни слово. Своровать, вот самое то.

Старик отрицательно качает головой.

– Она не продаст.

– Где она? – спрашивает Келлер.

Старик кивает, чтобы мы вошли, закрывает за нами дверь и запирает её. Чиркает зажигалкой, и слабый свет дает рассмотреть маленькую, неказистую кухню. Старик проходит дальше, мы следуем за ним. Он останавливается в комнате, отодвигает половик и открывает подвал. Там, в отличие от комнаты, есть свет.

– Руби, – говорит старик в дыру в полу, – тут у нас гости.

Старик спускается первым, и только из-за этого я спускаюсь следом. До последнего не могу поверить, что мы нашли живых людей, которые открыли нам двери в свой дом просто так. Зак спускается после меня.

– Молодой человек, закройте дверь, иначе нас могут увидеть.

Зак опускает деревянную панель и поворачивается. Смотрю на него не в силах побороть желание улизнуть отсюда. Как я была наивна, полагая, что два других члена его семьи самые страшные. Здесь, под землей, в слабом свечении лицо Закари похоже на маску, столь неживую и злую... мне жутко от него.

Закари переводит на меня взгляд, и я тут же отвожу свой в сторону.

На импровизированной постели у противоположной стены лежит девушка. Я точно не могу сказать сколько ей лет, может двадцать, может и тридцать. Она вся грязная, точнее, её одежда. Волосы спутались, под глазами круги, на лице пот, хотя в подвале достаточно прохладно. У девушки отсутствует кисть на левой руке и правая нога до колена. На оголенных участках тела видны множество укусов.

Она смотрит на нас по очереди, но словно не видит.

– Дед, кто это?

Голос девушки слабый, она словно говорит из потустороннего мира. Руби больше мертва, чем жива.

– Они ходили по улице и зашли к нам, – отвечает старик и с болью смотрит на девушку.

– Зачем?

– Им нужна машина.

Девушка прикрывает глаза и, кажется, засыпает, но всё же через пару минут её бледные губы шевелятся, и она произносит категоричное "нет".

Зак проходит к Руби, присаживается у её кровати и осматривает укусы, но к девушке не прикасается.

– Как давно? – спрашивает он.

Руби открывает глаза. Она смотрит прямо на Закари, сглатывает ком и сообщает:

– Три недели назад.

– Медицинской помощи ведь не было?

– Нет.

Наступает тишина. Никто не произносит ни единого слова, слышно только тяжелое дыхание Руби.

– У меня к тебе сделка, – серьезно говорит Зак, смотря Руби в глаза. – Ты отдаешь мне машину, а я прекращаю твои страдания.

Ха. По части предложений он явный профан.

– Нет, – шепчет Руби. – Я не умираю.

Закари кивает.

– В этом и есть вся проблема, – спокойно говорит он.

– Что? – спрашивает Руби, и её глаза расширяются.

Я вижу, как её зрачки увеличиваются, а потом уменьшаются. Это как биение сердца.

Зак поясняет, и я подступаю ближе, потому что об этом мне ничего не было известно.

– Ты не умрешь. Слишком много укусов. Слишком. В тебе сейчас находится T002, видоизмененный вирус. Он не позволит тебе умереть, но и не даст выздороветь. Ты будешь гнить очень долго. И это будет больно.

– Что ты такое говоришь? – спрашивает старик скрипучим голосом.

У Руби на глазах выступают слезы, она морщит лицо, пытаясь сдержать рыдания. Мне тоже становится дурно. Как это бестактно, говорить умирающему, что дальше ей будет только хуже? Бесчеловечно.

– Лучше не будет? – спрашивает она, и в голосе отчетливо слышна надежда.

– Не будет, – говорит Зак.

Девушка закрывает глаза и пытается сдержать рыдания, её лицо морщится в потугах, но всё же несколько слезинок скалываются по вискам и ныряют в спутанные волосы.

Мне так её жаль.

Руби открывает глаза и смотрит только на Закари.

– Ты ученый, врач?

– Всего понемногу.

– Куда вы поедете? – спрашивает она.

– До аэропорта, больше ничего рассказать не могу.

– Там, куда вы направляетесь, есть безопасность?

– Да.

– Я отдам тебе машину, если ты возьмешь с собой деда, – быстро проговаривает девушка.

Старик больше не лезет в разговор, он стоит и с безграничной печалью смотрит на Руби. Его губы дрожат.

– Хорошо, – соглашается Зак.

– Хорошо, – говорит Руби и её тело расслабляется.

– Я не оставляю тебя, – говорит дед и склоняется над импровизированной кроватью Руби.

Закари отходит от девушки, но не сводит с неё пристального взгляда.

Девушка с трудом поднимает руку и кладет её на морщинистую ладонь старика. Она ничего не говорит, ни слов прощания или надежды на будущее. Руби молчит, но в её взгляде столько слов, которые понимают только эти двое. Дед наклоняется к девушке, как можно нежнее обнимает её и, поднявшись, сглатывает ком, так что это слышат все.

– Машина за домом, не знаю, слили с неё топливо или нет, ключи найдете вон в той сумке, – говорит Руби и, кажется, на этом её силы заканчиваются.

Поворачиваюсь к противоположной стене и вижу среди множества вещей маленькую женскую сумку на тонком ремешке. Беру её и подношу к кровати.

– Сама... у меня нет сил на это. Моя рука...

Открываю сумку, достаю ключи и замечаю там складной нож, который больше похож на зажигалку крупных размеров. Достаю и его тоже. У меня нет оружия, никакого.

– Забери, – говорит Руби. – Мне он больше ни к чему.

Я не буду отказываться. Киваю девушке, но стараюсь не смотреть на неё, это слишком сложно. Но даже будучи в респираторе я чувствую её запах, он очень схож с вонью зараженных. Гниение и горечь.

– Спасибо, – говорю я ей, перевожу взгляд на Зака. – Мне нужно переодеться.

– Переодевайся, – позволяет он.

Я не дура, и покидать подвал в одиночестве не собираюсь. Забираю рюкзак у Закари и внутренне протяжно выдыхаю. Моя ноша вернулась. Отхожу в угол, где лежала сумочка Руби и

начинаю доставать всё, что мне пригодится, из рюкзака. Скидываю ботинки, надеваю носки и, не снимая платья, натягиваю трусы, следом идут военные брюки с кучей карманов. Одеваясь, слышу, как Руби тихо стонет, а потом раздаётся спокойный голос Зака.

– Я могу это прекратить.

Никто не уточняет, о чем он говорит. Все и так понимают, что он предлагает Руби быструю смерть.

– Я откажусь... я не настолько храбрая.

– Ошибаешься, – говорит старик. – Ты самая храбрая.

Переодевшись, убираю всё в рюкзак, закидываю его за спину и, держа в руках нож и ключи, оборачиваюсь.

Старик ещё раз прощается со своей внучкой, отходит от неё и поворачивается лицом к нам. В его глазах слезы, а губы дрожат. Словно не в силах находиться в подвале, он выбирается наверх первым. Зак стоит и смотрит на девушку, она не сводит с него пристального взгляда.

– Поднимайся, – говорит он мне.

– А ты?

Ответа нет.

Выбираюсь наверх и слышу хруст снизу, тут же собираюсь спуститься, но Закари уже поднимается наверх.

– Что ты сделал? – тихо спрашиваю я.

Ответа я снова не получаю, но знаю – он убил Руби. Он что... свернул ей шею?

Меня начинает трясти, но я словно марионетка иду следом за Закари Келлером. Хорошо, что старик ушел дальше и не знает, что его дорогой Руби больше нет в живых.

Меня Закари рано или поздно так же убьет. Если узнает... когда узнает. Выходим из дома и тише любой мыши обходим жилище старика. На заднем дворе стоит старый красный пикап. Закари забирает у меня ключи и открывает дверцу, садится, заводит машину, проверяет горючее и командует:

– В машину. Быстро.

Не думая, запрыгиваю на переднее сиденье и подсаживаюсь ближе к водителю. Старик забирается следом и громко хлопает дверью. Кладет ружье себе на колени и с грустью бросает взгляд на дом, где, как он думает, продолжает страдать Руби.

Бросаю косой взгляд на водителя и внутренне содрогаюсь. Он только что убил человека, а по нему этого и не скажешь. По его лицу вообще ничего невозможно предугадать, понять или прочесть. Непроизвольно сравниваю его с младшим братом. А ведь раньше я думала, что Зейн холоднее льда. Как же я ошибалась. Неожиданно для себя самой осознаю – я скучаю. Не так как по родным, это печаль иного рода. Неожиданная доброта и забота Зейна сделали его для меня особенным. Словно я смогла расколдовать всю эту неприступную крепость и увидела под холодной коркой душу. Чуткую и отзывчивую душу. Ещё месяц назад я бы даже и помыслить о таких рассуждениях не смела. Как быстро меняется жизнь.

Машина, урча и пыхча, вырывается через задний двор и выезжает на дорогу. Хорошо, что это край города и тут не так много брошенных машин. Некоторые из них Закари просто отталкивает пикапом.

– До конца на ней нам не доехать, – сообщает водитель. – Готовьтесь бежать.

Не уверена, что старик сможет бежать, он шел-то, еле-еле передвигая ноги.

– Как вас зовут? – спрашиваю я у старика.

– Уилл.

– Уилл, вы сможете бежать?

– Не уверен, – честно признается он.

Поджимаю губы и вижу, как Закари, сидящий рядом, снимает с себя респиратор и передает его мне.

– Почему снял?

– Эта бутафория ни к чему.

– Как это?

– Новых зараженных нет уже больше двухсот дней.

– И?

– Из этого можно сделать два вывода. Первый, туман больше не заразен. Второй, он заразен, но все, у кого была предрасположенность к заражению, уже подвержены ему.

Снимаю свой респиратор и вдыхаю прохладный воздух.

Крайние дома выныривают из завесы тумана, и моя душа тут же мчится к пяткам. В одну идеально ровную линию выстроились зараженные. Их практически черные тела поблескивают от света фар. Закари останавливает машину.

– Они ждут нас, – шепчу я.

– Держитесь за что-нибудь, – говорит Закари и стартует с места, визжа шинами.

Вскрикнув, хватаюсь за руку Уилла и зажмуриваю глаза. Момент столкновения невозможно ни с чем спутать. Мы, как шар для боулинга, сшибаем кегли и ещё сильнее набираем скорость. Оборачиваюсь и вижу через заднее окно, как зараженные – те, что не были сбиты, бегут следом за машиной. Один прыгает с нечеловеческой силой и приземляется прямо в кузов пикапа, машину шатает. Зараженный встаёт в полный рост и, подняв голову вверх, начинает вопить.

– У нас гость, – говорит Закари сам себе, а потом бросает на меня короткий взгляд. – Сможешь ехать на этой машине?

– Да.

– Тогда перелезай.

– У нас есть ружье, – напоминаю ему я, и киваю в сторону Уилла.

– Ружье есть, но в нем нет патронов, – отвечает Закари. – Перелезай.

Бросаю взгляд на старика, он лишь пожимает плечами.

Твою ж мать!

– Хорошо, – соглашаюсь я, возвращая взгляд на Закари.

Перекидываю ногу через коробку передач и практически сажусь Закари на колени.

– Не стесняйся, устраивайся поудобнее, – говорит он и резко выруливает налево.

Я практически валюсь на него.

– Ставь ногу на педаль на счет три. Один, два, три. Бери руль.

Делаю, как было велено. Через несколько секунд Закари перебирается на моё место, берет у Уилла ружье и бьет рукоятью по стеклу за нашими спинами.

– Не сбавляй скорость, – говорит он мне. – Отставшие не остановились.

– Откуда ты знаешь?

– Они голодны.

Отлично. Второй удар по стеклу, и оно разлетается вдребезги. Закари вылезает в кузов, и я тут же бросаю взгляд в зеркало заднего вида. До слуха доносится вопль зараженного. Замечаю, как мелькает Закари и неожиданный гость. Я не вижу, что там происходит, и от дороги лучше не отвлекаться, поэтому я полностью сосредотачиваюсь на асфальте. Несколько минут борьбы и наступает тишина. Интересно, если Закари погибнет, полковник отменит свой приказ и отпустит мою семью?

– Зак?

Тишина.

Снова бросаю взгляд в зеркало заднего вида. Если он умрет, то и Лекса с детьми тоже. От полковника и не пахнет адекватностью, так что на её благоразумие в случае гибели Закари Келлера рассчитывать не стоит. Твою ж мать!

– Зак?! – более громко зову я.

Он перелезает через окно и садится между мной и Уиллом.

– Твоё переживание – лестно.

Протяжно выдыхаю и сжимаю руль ещё сильнее. Живой.

– Куда дальше? – спрашиваю я.

– Прямо до самого конца, пока не закончится бензин.

Бросаю взгляд на Зака и вижу, как он смотрит на свою ладонь, на которой красуется достаточно глубокий укус.

– Тебя укусили, – на выдохе произношу я.

– Без сомнений.

– Что делать?

– Ехать.

В этот момент мы слышим достаточно громкий гул, а после в небе загораются огни самолета.

– А что, если твои люди уже улетели? – спрашиваю я, стараясь не отвлекаться от дороги.

– Исключено.

– Почему?

– У них приказ.

На этом наш разговор заканчивается. Около часа едем в полной тишине, а потом машина медленно останавливается. Топливо закончилось. Сворачиваю с дороги, и автомобиль замирает в метре от ближайшего дерева.

Ночь, туман, пустынная дорога и три путника. В течение минуты выбираемся из транспорта, забираю рюкзак, и мы продолжаем путь пешком.

О каком беге говорил Закари, если мы движемся со скоростью раненой улитки? Уилл с трудом передвигает ноги и слишком громко тащит за собой бесполезное ружьё, а я то и дело озираюсь по сторонам, готовая к новому нападению зараженных. Поправляю рюкзак, и ещё сильнее сжимаю нож Руби в правой руке.

Озноб пробегает по коже и заставляет ежиться. В таком темпе нам не дойти. Не настолько мы везучие. Старик не произнёс ни единого слова. Он в глубокой печали или в маразме. Удивлена, что Закари его ещё не убил и не прибавил тем самым нам скорость.

К счастью, нам удаётся преодолеть немногим больше километра. Уилл останавливается и садится прямо там, где перестал передвигать ногами.

– Извините, – хрипит он. – Я дальше не могу. Идите без меня. Я вообще не должен был оставлять... Руби.

Ожидая действий Закари, он стоит над стариком и безмолвно смотрит на него. Спустя несколько секунд бросает безэмоциональный взгляд на меня и говорит: – Ты должна добежать до аэропорта, найди там Нео. Скажи ему, что ты от меня, передай – последний приказ отменяется. Он должен приехать сюда. Один.

– С чего он мне поверит?

– Ты скажешь ему, что ловеласа я выпущу сразу после прилета.

Чего? Ловеласа? Боже, даже не хочу вникать в странности граждан базы номер девять.

Перевожу взгляд с него на старика и снова возвращаюсь к Заку.

– Можно тебя на минуту? – спрашиваю я.

Зак кивает и отходит на пару метров от Уилла.

– Не уверена, что...

– Ты дойдешь, а точнее, добежишь. До аэропорта осталось не больше двух километров. Мне старика не дотащить, от укуса постепенно немеет тело. Я не смогу идти примерно через тридцать минут.

Этого я тоже не знала. Думаю, пребывание на базе Зака раскроет многие карты, касаемо зараженных.

– Почему ты убил Руби, а его...

У меня не хватает смелости договорить, но Закари понимает меня и без дальнейших слов. Он внимательно всматривается в мои глаза и серьезно отвечает:

– Девушка была хуже, чем мертвой, а он – жив. Жив и не заражен. Моя команда таких не бросает, только если это не изгнанник. Кто мы, если не пытаемся спасти даже самую хлипкую иллюзию жизни?

– Риторический вопрос.

– Нет. Практический. Если мы не будем спасать тех, кто ещё остался в живых, то мы выйдем быстрее, чем наступит Рождество.

– Я поняла.

– А теперь беги.

Разворачиваюсь, но голос Зака останавливает меня.

– Оставь рюкзак, он замедлит тебя.

С колотящимся сердцем скидываю рюкзак, стараюсь казаться максимально неподозрительной, но мысль о том, что рация с базы номер восемь сдаст меня куда быстрее, чем я сама, раззадоривает мои и без того хилые нервы. Разворачиваюсь и бегу. Откидываю все лишние мысли и переживания. Мой бег легок, ведь до этого мы еле как шли. Прибавляю скорость, но не до своего личного максимума, силы мне нужны. Взгляд исследует ближайшие деревья. Из-за каждого из них могут появиться зараженные. Меня успокаивает одно, в последнее время зараженные сторонятся пустынных дорог, ведь тут практически нет еды. Основные их массы располагаются в городах и поселениях, там, где ещё могут быть выжившие.

Глаза устают самыми первыми, от разглядывания тумана начинает болеть голова. Пробежав примерно половину пути, останавливаюсь. Прислушиваюсь и, кажется, различаю шелест травы. Ветра практически нет, следовательно, там, на противоположной стороне дороги кто-то есть.

Медленно отхожу назад, перекладываю нож в левую руку, а правую вытираю о брюки. Возвращаю нож на место и замираю на самом краю дороги. Страх не дает мне уйти дальше, там деревья, и если в темноте забраться достаточно глубоко в заросли, то я не выйду оттуда и заблужусь.

Звук снова повторяется, он практически неуловимый, легкий и... не похож на тот, что может создать такое большое создание как человек. Будь он зараженным или нет.

Присаживаюсь на корточки и вглядываюсь в туман, и оттуда выходит... щенок, волчонок?

Взвизгнув или пискнув, он быстрее приближается ко мне, а я не знаю, что делать. Если это волчонок, а скорее всего это он и есть, то его мама где-то рядом, и она не будет рада, если я возьму его.

Боже, Алекс, какой "возьму его"? О чем вообще речь? Нужно бежать отсюда и добраться до аэропорта. Поднимаюсь в полный рост, бросаю ещё раз взгляд на серый маленький комочек и стартую в сторону спасения.

Спустя несколько шагов слышу за спиной писк и останавливаюсь. Сжимаю губы в раздражении и возвращаюсь назад. Щенок-волчонок сидит на задних лапах, его тельце дрожит, кости сильно выпирают и он смотрит на меня как на спасение.

Черт с тобой, лохматый.

Медленно подбираюсь к щенку, он ещё настолько мал и глуп, что даже не пытается бежать, беру его на руки. Он не возражает. Надеюсь, его мама тоже не против. Бегу с дополнительной ношей и останавливаюсь только услышав звук моторов. Машины. Машины равно люди. Подхожу к темноте аэропорта, и меня тут же окликают голоса свыше.

– Стоять.

Вздрагиваю и ещё сильнее сжимаю угловатый комок. Замираю на месте и поднимаю взгляд. На двухметровой вышке человек. Я вижу слабые очертания его тела, но раз он говорит, то не заражен.

– Извините, мне нужно найти Нео, – обращаюсь я в небо.

Тут же мне отвечает другой голос.

– Я тебя слушаю.

Снова вздрагиваю и уже начинаю злиться.

Мужчина выходит из тумана, и я вижу черную военную форму, темные короткие волосы и кучу оружия на нем.

– Вы – Нео?

– Так точно.

Голос ровный, не злой и не добрый. Не громкий и не тихий. Какой-то никакой.

– Слава богу, – выдыхаю я и позволяю себе расслабиться на мгновение. – Меня послал Закари Келлер, он сказал, отменить последний приказ и приехать за ним.

– Почему я должен тебе верить? Ты вообще кто такая? Что у тебя в руках?

Очень много вопросов.

– Я – Алекс, в руках у меня волк или пёс, а верить ты мне должен потому что, Закари сказал, передать тебе эти слова, – чувствую себя полнейшей дурой, – что он выпустит ловеласа сразу, как только вы прилетите на место.

Какое-то время Нео смотрит на меня и даже не позволяет себе моргнуть. А я мучаюсь вопросом, почему он молчит? Обдумывает мои idiotские слова? Так не я придумала историю про ловеласа.

– Волк? – спрашивает он.

– Что?

– У тебя в руках волк?

Неужели это так важно?!

– Или собака, которая очень умело притворяется волком.

Нео не улыбается, разворачивается и бросает мне через плечо.

– Идем.

Уже через две минуты машина с Нео, мной и волком отправляется на поиски старика и Закари. Сажу на заднем сиденье, глажу успокоившегося щенка и надеюсь, что Закари Келлер жив и он не лазил в мой рюкзак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.